

Феномен периодики эпохи перестройки

Юрий БЛАШКОВ,
кандидат
исторических наук

Перестройка в СССР, инициированная в 1985 году Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, представляла собой попытку коренного обновления существовавшей системы, построения гуманного демократического социализма. Вследствие непоследовательности действий тогдашнего руководства Советского Союза и целого ряда внешних и внутренних причин перестроечные процессы сопровождались экономическим и политическим кризисом, катастрофическим падением жизненного уровня значительной части населения, резким обострением социальных и политических противоречий, что в конечном счете привело к распаду страны в 1991 году.

В рамках перестройки выделяется несколько качественно отличающихся друг от друга этапов. В основе их обозначения, прежде всего, лежит характер представлений о путях реформирования советского общества, а также соответствующие тому или иному этапу явления и факторы. Среди них следует особо отметить провозглашенную властями в 1986 году политику «демократизации» и «гласности», ставшую для многих участников названного процесса знаковой с точки зрения выявления сущности перестройки.

А ВНАЧАЛЕ БЫЛО «ДЕЛО»...

В условиях всеохватывающего кризиса советского общества в середине 1980-х годов приход к власти сил, понимающих реальное положение вещей и готовых к

обновлению экономических основ, политического устройства и духовного состояния общества, стал остройшей жизненной необходимостью. И страна получила шанс – в марте 1985 года на внеочередном Пленуме ЦК КПСС генеральным секретарем был избран 54-летний М.С. Горбачев. К этому времени принадлежавший к поколению «шестидесятников» новый советский лидер сделал стремительную партийную карьеру: в 1970 году он стал первым секретарем Ставропольского крайкома, в 1978-м был назначен секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, а в 1980-м вошел в состав Политбюро (и в отсутствие немощного генсека К.У. Черненко председательствовал на его заседаниях). В среде партийно-государственной верхушки с отчетливыми чертами геронтократии, что подчеркивало бессмысленность деятельности самого управленческого аппарата, Горбачев смотрелся «белой вороной»: имея за плечами два высших образования (юрфак МГУ и Ставропольский сельскохозяйственный институт), партийный функционер умел гладко говорить (к сожалению, не обладая при этом навыками слушать других), и отличался присущим преимущественно западным политикам «опережающим обаянием».

С приходом к власти М.С. Горбачева начала осуществляться последовательная «кадровая революция». Избавление от престарелой когорты партийных и государственных деятелей, выдвинувшихся при Л.И. Брежнев, произвело весьма позитив-

ОБ АВТОРЕ

БЛАШКОВ Юрий Андреевич.

Родился в 1954 году в г. Орше Витебской области. В 1977 году окончил исторический факультет Белорусского государственного университета, в 1982 году – аспирантуру этого вуза. С 1977 года работает в БГУ – стажер-преподаватель, преподаватель кафедры истории СССР досоветского периода, преподаватель, доцент кафедры российской и славянской истории с древнейших времен до начала XX века, с 1998 года – доцент кафедры истории России исторического факультета. Кандидат исторических наук (1984). Автор ряда учебных пособий и научных статей по истории России. Сфера научных интересов: проблемы внутривосточного развития России (СССР, Российской Федерации) в XIX – начале XXI столетия.

ное впечатление. Вокруг нового советского лидера сплотилась группа относительно молодых, энергичных руководящих работников (в частности, председателем Совета Министров в сентябре 1985 года стал Н.И. Рыжков, выработка идеологии нового политического курса возлагалась на А.Н. Яковлева). «Командой» Горбачева и была предпринята попытка разобраться с поистине неразрешимым комплексом унаследованных от эпохи «развитого социализма» внутренних и внешнеполитических проблем.

Одни исследователи (А.С. Барсенков, А.С. Шубин) считают, что к моменту прихода к власти у М.С. Горбачева уже сформировалось свое видение направленности действий по коренному улучшению дел в стране, другие (В.В. Согрин), наоборот, подчеркивают, что у инициатора перестройки изначально имелись только разрозненные реформаторские идеи, которые постепенно и противоречиво укладывались в определенную концепцию и программу. Надо полагать, «скептическая» точка зрения больше соответствует реалиям. Действительно, вначале действия реформаторского крыла в руководстве страны были весьма умеренными. В их основе лежал посыл о том, что существовавшая в СССР экономическая и политическая система обладает огромным потенциалом развития, и задача реформаторов заключается лишь в его полноценном использовании при устранении мешающих этому факторов.

М.С. Горбачеву, как в свое время Н.С. Хрущеву, в первые годы деятельности на посту генерального секретаря был свойственен синдром сверхдержавного мышления. Расчет делался на то, чтобы в течение нескольких лет добиться уровня западных стран по ряду важнейших экономических показателей. Подобная исходная позиция привела к тому, что в апреле 1985 года Пленум ЦК КПСС провозгласил курс на «ускорение» социально-экономического развития страны. В его основе лежала новая структурно-инвестиционная политика. Предполагалось перенести упор с разорительной практики «долгостроев» на техническое перевооружение, модернизацию действующих предприятий и производств. При этом первоочередной задачей признавалось ускоренное

развитие машиностроения, в котором усматривалась база быстрой переориентации всего народного хозяйства. Опережающее развитие советского машиностроения, а также других наукоемких отраслей должно было привести к достижению ими уже в начале 1990-х годов мирового уровня. Кроме того, программой «ускорения» предусматривались активизация «человеческого фактора» и приведение в действие других «скрытых резервов», призванных, по мнению ее разработчиков, ликвидировать отставание от развитых стран и существенно улучшить материальное положение советских людей.

Состоявшийся в феврале – марте 1986 года XXVII съезд КПСС утвердил избранный руководством партии курс на совершенствование социалистического общества, на социально-экономическое ускорение. В частности, предполагалось к 2000 году удвоить экономический потенциал СССР, в 2,5 раза повысить производительность труда и обеспечить каждую советскую семью отдельной квартирой. И хотя съезд подверг действующую программу КПСС критике за утопизм и принял ее новую редакцию, его собственные широкомасштабные решения были выдержаны явно в хрущевском духе.

Реализация программы «ускорения», попытки проведения властями в 1985–1986 го-

дах активной социальной политики породили в обществе «революцию ожиданий», которые себя не оправдали. Проводившиеся мероприятия мало затрагивали действующую экономическую систему. Реформаторская стратегия «ускорения» в конечном счете привела к перенапряжению государственного бюджета и росту его дефицита (уже в 1985 году он составил 17–18 млрд рублей, а в следующем – более 50 млрд). Бюджетный дефицит покрывался за счет запуска печатного станка, что вело к развитию в СССР скрытой инфляции. Как выяснилось впоследствии, бюджетная дестабилизация предшествовала значительному ухудшению положения в народном хозяйстве СССР в целом.

Экономические реалии толкали руководство Советского Союза к внешним заимствованиям. «Нефтяная зависимость» советской экономики эпохи «застоя» стала сменяться другой, несравненно более опасной зависимостью от внешних долгов, которые начали стремительно расти (в 1985 году задолженность СССР по кредитам Западу составила 27,2 млрд долларов, а в 1988-м – уже 40,8 млрд долларов).

Сложившаяся экономическая ситуация с очевидностью свидетельствовала, что в СССР отсутствовали объективные условия для «ускорения». Становилось ясно, что без обновления политических структур паллиативные экономические преобразования (их квинтэссенцией стали обозначенные в мае 1985 года меры по искоренению пьянства) неэффективны.

С середины 1986 года в выступлениях М.С. Горбачева, столкнувшегося с недоверием масс растущими жизненными трудностями, начинает повторяться мысль о том, что перемены в обществе идут недостаточно быстро. Среди главных причин этого, как правило, выделялись два обстоятельства: сохраняющаяся пассивность подавляющей части населения и приверженность руководящих структур директивным формам управления, их консерватизм. Во время поездки на Дальний Восток в августе 1986 года М.С. Горбачев публично обвинил «среднее звено» управленческой системы в саботаже перестройки.

В связи с этим одной из предпосылок реформирования и вместе с тем его целью

провозглашается «демократизация» страны. В свою очередь, ее важнейшим рычагом становится закреплённая резолюцией XIX партконференции (июнь – июль 1988 года) политика «гласности».

Активное внедрение в практику общественной жизни подобного принципа должно было способствовать осознанию населением необходимости радикальных изменений в политической сфере. Гласность означала раскрытие недостатков и пороков, мешавших реализации «потенциала социализма». Предполагалось провести контролируемое «сверху» смягчение цензуры в отношении СМИ, ликвидировать спецхраны в библиотеках, опубликовать запрещенные ранее произведения и т.п. По замыслу инициаторов перестройки, значи-

Кадр из фильма Т. Абуладзе «Покаяние»

тельное расширение информированности населения, интеллектуальное раскрепощение советских людей, ломка прежних стереотипов их политического поведения должны были ускорить перестроечные процессы во всех сферах.

Первой «ласточкой» гласности стал выпущенный на экраны в начале 1987 года фильм Т. Абуладзе «Покаяние», который посмотрела вся страна. Главная тема кинофильма – покаяние детей за страшное прошлое, сотворенное отцами, – получила широкий общественный резонанс. А финальный вопрос героини «Зачем же дорога, если она не ведет к храму?» стал камертоном происходящих в стране преобразований.

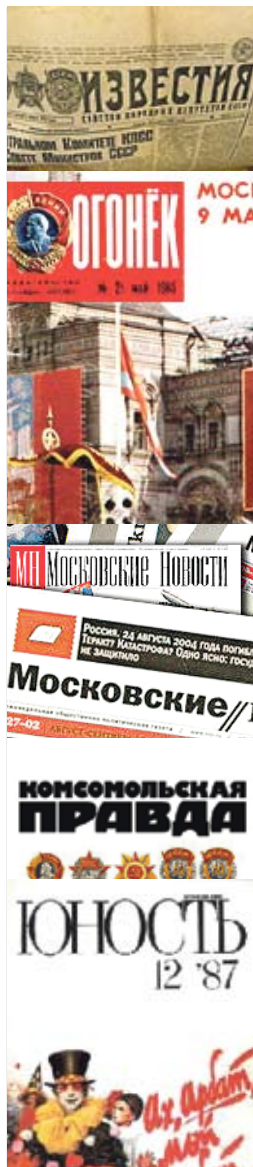
И ТОГДА ДЕЛО СТАЛО ЗА «СЛОВОМ» ...

На перестроечную прессу были возложены обязанности идейной оппозиции консерватизму. В частности, в выступлении М.С. Горбачева в 1986 году перед работниками средств массовой информации отмечалось: «Многие из наших консервативных проявлений, ошибок и просчетов, вызывающих застой мысли и действия и в партии, и в государстве, связаны с отсутствием оппозиции, альтернативы мнений, оценок. И здесь, на нынешнем этапе развития общества, такой своеобразной оппозицией могла бы стать наша пресса» [1, с. 73].

Регулярность встреч в ЦК КПСС с руководителями средств массовой информации и пропаганды, на которых определялось содержание проводимых кампаний, свидетельствовала, что «политика гласности» не означала введения свободы слова, а изначально виделась «дирижируемым» явлением.

В 1986 году произошла смена руководства ряда массовых изданий – «Известий», «Огонька», «Московских новостей», «Комсомольской правды», «Аргументов и фактов», «Московской правды», «Московского комсомольца», «Юности», «Нового мира» и др. Имена редакторов Е.В. Яковлева («Московские новости»), В.А. Коротича («Огонек»), С.П. Залыгина («Новый мир»), Г.Я. Бакланова («Знамя») и прочих руководителей газет и журналов, ставших в 1987–1991 годах самыми острыми и читаемыми изданиями, оказались на слуху у всей страны.

В условиях даже дозированной публичной переоценки ценностей в советском обществе зашоренность и бесцветность периодики «самой читающей страны в мире» были быстро преодолены. Читательский интерес в отношении газет и журналов невероятно возрос. Это стало еще более ощутимым, когда печатные средства массовой информации, переставшие испытывать какие-либо ограничения, дружно принялись за «разгребание грязи». Свобода слова как демократическая общественная норма была закреплена вступившим в силу с 1 августа 1990 года законом СССР «О печати».

В рассматриваемый период тиражи таких «толстых» литературных и общественных журналов, как «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» увеличились в 3–4 и даже более раз, практически сравнявшись с тиражами многих газет. Феноменом же среди последних был еженедельник «Аргументы и факты»: в 1990 году он выходил тиражом в 33,4 млн экземпляров (подобный факт удостоился фиксации в Книге рекордов Гиннеса). Наиболее массовым ежедневным изданием являлась газета «Труд» (около 22 млн экземпляров), немногим ей уступала «Комсомольская правда». Даже без очевидного нажима «сверху» орган ЦК КПСС – газета «Правда» – выходил тиражом в 10 млн экземпляров [2, с. 693]. Особым интересом у читателей пользовались «Правдинские пятницы», посвященные актуальным проблемам истории страны.

Невероятный читательский ажиотаж вызывали «Московские новости». В советское время этот официальный еженедельник, выходивший на русском, английском, французском и испанском языках, был интересен, пожалуй, только студентам, практикующимся в переводах. При Е.В. Яковлеве в силу злободневности публикаций газета стала одной из самых востребованных. В Минске, как и в других советских городах, независимо от поры года уже с 6 часов утра у пунктов «Союзпечати» за ней выстраивались очереди, которые превращались в своеобразные еженедельные «читательские клубы».

Особенностью перестроечных «Московских новостей» стал факт опровержения ими старой истины, что «газета живет один день». Комплект «Новостей» за 1987 год был переиздан репринтным способом в виде книги и сразу же разошелся среди читателей.

В группировке «очередников», к которой принадлежал автор настоящих размышлений, весьма популярной оказалась выходившая в Риге газета «Советская молодежь». Здесь печатался опальный бывший первый секретарь Московского горкома партии Б.Н. Ельцин. Ограниченность политики гласности привела к тому, что сопровождавшая его отставку критика высшего партийного руководства на Пленуме ЦК КПСС в октябре 1987 года обросла всевозможными домыслами и слухами.

О значимости «слова» в перестроечную эпоху свидетельствовало то обстоятельство, что из-за нехватки бумаги в период подписной кампании 1989 года властями вначале были введены ограничения в подписке на популярные издания, а затем – после массовых протестов – Совет Министров СССР изыскал дополнительные бумажные ресурсы.

Гласность эпохи перестройки привела к появлению ряда новых и вместе с тем быстро набиравших «вес» периодических изданий. Весьма положительно был воспринят общественностью выход в середине 1988 года красочного и содержательного журнала Советского фонда культуры «Наше наследие». В начале 1989 года было возобновлено издание выходявшего в 1919–1929 годах журнала «Известия ЦК КПСС». Его заслугой, прежде всего, стала первая в СССР публикация доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина. В это же время увидел свет первый номер ставшего затем известным общественно-политического и научно-популярного журнала «Родина». В том же 1989 году перечень периодических изданий пополнила «Российская газета», получившая в 1990-е годы статус официального государственного органа печати Российской Федерации. В конце 1989 года стала выходить весьма заметная в перестроечной периодике «Независимая газета».

Курс на проведение политики гласности дал толчок развитию так называемой «альтернативной прессы». К осени 1987 года в СССР существовало более ста «неформальных» газет и журналов. Возможности создания независимых СМИ еще больше увеличились после появления закона «О печати». Начали выходить периодические издания, учрежденные на средства иностранного капитала. Так, в 1990 году стала издаваться газета «Коммерсантъ». Первоначальный взнос в 250 тыс. долларов США был сделан торговой фирмой из Чикаго «Рефко групп». В рекламном объявлении о подписке издание характеризовалось как «независимый советско-американский деловой еженедельник», «специализированное издание для деловых людей, определяющих развитие экономики в СССР и за рубежом». При этом подчеркивалось, что газета издается

с 1909 года, а с 1917 по 1990 год «еженедельник не издавался по независимым от редакции причинам». При официальной аполитичности «Коммерсантъ» стал одним из рупоров оппозиции центральным властям [3, с. 379].

13 марта 1988 года в газете «Советская Россия» была напечатана статья преподавателя одного из ленинградских вузов Н.А. Андреевой «Не могу поступиться принципами», содержащая резкую критику политики М.С. Горбачева. 5 апреля в принадлежащей перу А.Н. Яковлева редакционной статье «Правды» «Принципы перестройки: революционность мышления и действия» инициаторами реформ был дан ответ на публикацию этого манифеста антиперестроечных сил.

Подобные факты свидетельствовали о том, что уже на раннем этапе перестройки в советском обществе происходило политическое размежевание. Соответствующие тенденции прослеживались и в периодической печати. Среди изданий, отвергавших перестроечные ценности и пропагандировавших свое собственное видение проблем, наибольшую популярность завоевали «толстые» журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник». В последующем их «визитными карточками» стали конспирология и поиск нитей масонского заговора в российской (советской) истории.

Естественно, республиканским и региональным изданиям было трудно тягаться с набиравшей небывалую мощь центральной прессой. Тем не менее и они, ориентируясь, прежде всего, на местную проблематику, находили свою массовую читательскую аудиторию.

Роль, которую играла пресса эпохи гласности в сравнении с другими ветвями «четвертой власти», объясняется еще и тем, что перестройка в СССР исторически опередила пришедшую на конец XX – начало XXI столетия революцию в сфере информационных технологий на постсоветском пространстве. В условиях всеобщей компьютеризации подобное было бы просто невозможно.

ВЛАСТИТЕЛИ ДУМ

Во времена газетного и журнального бума большинство публикаций так или ина-

че находили своего читателя. Вначале – в ситуации ощутимого информационного голода – прочитывалось всё и вся! Вместе с тем при сохранении небывалого общего интереса к прессе постепенно начала вырисовываться уже целенаправленная читательская заинтересованность в отношении тех или иных периодических изданий, видов публикаций, затрагиваемых тем.

Сразу же после провозглашения властями Советского Союза политики гласности стал набирать силу процесс возвращения в литературу имен и произведений писателей, творчество которых по разным причинам было ранее недоступно читателям (В. Набокова, В. Ходасевича, А. Платонова, М. Булгакова, О. Мандельштама, И. Бродского, А. Галича, В. Некрасова, В. Гроссмана, В. Дудинцева и многих других). Благодаря своей оперативности, «толстые» журналы оказались вне конкуренции в сравнении с книжными издательствами. Появилась возможность прочитать роман А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (публиковался в «Новом мире» с августа 1988 года) и другие произведения писателя, который выдвинул собственную концепцию преобразований (18 сентября 1990 года в «Комсомольской правде» была помещена его статья «Как нам обустроить Россию»). В 1988–1989 годах всеобщее внимание привлек роман А. Рыбакова «Дети Арбата» (журнал «Дружба народов»), в котором жизнь героев – простых москвичей – тесно переплеталась с контекстом истории страны 1930-х годов. Получили признание художественные произведения и других современных писателей – «Печальный детектив» В. Астафьева, «Плаха» Ч. Айтматова, «Новое назначение» А. Бека, «Последняя пастораль» А. Адамовича, «Пушкинский дом» А. Битова, «Зубр» Д. Гранина, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина.

Однако со временем поток подобных публикаций стал иссякать. Видный представитель писательского сообщества В. Войнович следующим образом трактовал причины утраты писателями ро-

Публицисты Юрий Черниченко, Егор Яковлев и Николай Шмелев на 19-й Всесоюзной конференции КПСС. Москва, 1988 год

ли «властителей дум»: «Слово писателя звучит сильнее в закрытом обществе. Тем более слово, за которое убивают, иногда даже буквально. В закрытом обществе роль писателя можно сравнить с миссией доктора во время чумы. Пока есть эпидемия, доктор рискует собственной жизнью, но ощущает при этом огромность своей роли, свою незаменимость. После чумы он неизбежно почувствует, что уже не так нужен людям, и может впасть в депрессию, но вряд ли он будет желать новой эпидемии» [4, с. 354].

Известный публицист-аграрник Ю. Черниченко в 1988 году отмечал: «Я б и не толковал про трехсотпроцентный рост тиражей, если б секрет был в одной «некрофилии» (так один эрудит, в жизни мужчина без извращений, определил желание журналов печатать убитых или умерших за колючкой). Или в приманке Карамзиным» (журнал «Москва» для привлечения читателей пошел на издание не публиковавшейся в СССР «Истории государства Российского». – Прим. авт.) [5, с. 594].

Уже на раннем этапе развития перестроечную периодику отличала постановка крупных, общественно значимых проблем. Именно они начинают привлекать особое внимание читателей. Эти обстоятельства выдвигают на первые позиции в печатном мире публицистику.

Отличающиеся новизной приведенных фактов и разоблачительным пафосом «Авансы и долги» Н. Шмелева, согласно социологическим опросам, делают его самым востребованным в 1987 году автором. Ю. Черниченко передает свой любопытный разговор с работниками Ленинской библиотеки в Москве по поводу творчества ведущего публициста страны (Шмелев сохранил свои позиции и в последующем): «Нет, повесть (опубликованный в «Знамени» «Пашков дом». – Прим. авт.) нам хлопот не доставила – отвечают. А вот из-за «Авансов и долгов» в «Новом мире» троих самых бешеных пришлось лишить читательских билетов. Смотрите, какие тиффози! И красные, и черные, и синие чернила, а ярость, а восторги – хоть прямо в музей книги. Мы и на ксероксе накатали оттисков двадцать – все равно ни полчаса за полгода «Авансы» на полках не лежали...» [5, с. 594].

В условиях реализации озвученной М.С. Горбачевым на октябрьском 1987 года Пленуме ЦК КПСС идеи о необходимости освещения «белых пятен» истории СССР особую значимость приобрела историческая публицистика. С одной стороны, обращение к фальсифицированным или сознательно сокрытым от общественности историческим фактам сделало весьма востребованными такие сугубо научные журналы, как «Вопросы истории» (тираж возрос более чем до 100 тыс. экземпляров), «История СССР» (ныне – «Отечественная история»), «Новая и новейшая история». С другой – историки оказались совершенно не готовы конкурировать с журналистами в оперативности подачи информации, которая будоражила умы, а также – в силу совершенно разных обстоятельств – «поступиться принципами». Ярким примером этого может служить стремительная «трансформация» образа председателя Совета министров Российской империи 1906–1911 годов Петра Аркадьевича Столыпина – от «обер-вешателя», «приказчика» и «уполномоченного» объединенного дворянства (ленинское определение) к «крупнейшему реформатору» и «спасителю русской деревни». Здесь особую роль сыграла статья В. Селюнина «Истоки», помещенная в пятом номере «Нового мира» за 1988 год. В частности, известный публицист констатировал: «Требование времени лучше всех выразил видный государственный деятель предреволюционной России П. Столыпин». И далее: «При отчаянном противодействии справа и слева, отступая и лавируя, глава правительства сумел провести свою программу (аграрной реформы и в целом модернизации страны. – **Прим. авт.**) в жизнь» [6, с. 185].

Известный исследователь столыпинской аграрной реформы П.Н. Зырянов следующим образом охарактеризовал ситуацию, которая возникла вокруг «Истоков»: «Автор сделал тогда хорошее дело, обратив внимание общественности на аграрные проблемы нашей страны в начале XX века, так до конца и не решенные и отзывающиеся в наши дни. Но тот же автор положил начало апологетике Столыпина, которая с тех пор день ото дня становится все более шумной. Писатели, публицисты, даже партийные работники

пишут о Столыпине в газетах и журналах, говорят с телеэкрана и с высокой трибуны Съезда народных депутатов. Пожалуй, только историки не включились в этот хор. Одни молчат, смущенные тем, что в свое время наговорили о Столыпине слишком много плохих слов. Другие... Я, пожалуй, отношусь к «другим». Столыпинскими делами я занимался еще в период «застоя», и тогда, помнится, мне крупно влетело за недостаточное количество именно таких слов. Сейчас, казалось бы, самое время взять реванш, но почему-то не поворачивается язык присоединиться к славящему хору» [7, с. 10]. Действительно, реформаторская деятельность П.А. Столыпина видится весьма неоднозначной...

Острые газетные и журнальные публикации на исторические темы моментально становились предметом жарких споров в рамках различного рода конференций, круглых столов, дискуссионных клубов. С десятилетиями воспитывавшейся апатией советских людей было покончено в считанные месяцы: население стало поголовно интересоваться политикой.

Следует сказать, что партаппарат оказался неспособен контролировать санкционированную властями идеологическую революцию и удерживать набравшую силу свободу слова в рамках «социалистического плюрализма». Вначале произошла радикальная ревизия официальной версии советской истории, прежде всего ее сталинского периода. Под влиянием критики прошлого при Политбюро ЦК КПСС в сентябре 1987 года была образована комиссия по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 1930–1940-х и начала 1950-х годов (важно, что вскоре после начала работы ее возглавил основной идеолог перестройки А.Н. Яковлев). Произошла массовая реабилитация репрессированных, включая незаконно осужденных лидеров большевистской партии, которых и в 1930-е годы, и позднее клеймили как «левых», так и «правых» «уклонистов» и «оппортунистов», – Н.И. Бухарина (в поисках некоего положительного идеала прошлого даже началась идеализация этого политического деятеля как мягкого, кроткого защитника «кооперативного социализма», чему в значительной степени способствовали из-

данные в СССР разработки американского исследователя С. Коэна), А.И. Рыкова, Х.Г. Раковского, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Ю.Л. Пятакова, К.Б. Радека. В поле широкого общественного интереса оказался опыт нэпа (особенно работы по кооперации А.В. Чайнова и Н.Д. Кондратьева).

Яркой демонстрацией согласия властей на пересмотр многих оценок советской истории и прежде всего на возобновление резкой критики сталинизма стал доклад «Октябрь и перестройка: революция продолжается», сделанный М.С. Горбачевым 2 ноября 1987 года на торжественном заседании в честь 70-летия Октябрьской революции (важное значение имело само по себе восприятие советским лидером перестроечных процессов как продолжения революции). Постепенно процесс переосмысливания распространился на основные идеологические и политические устои системы – марксизм-ленинизм (вместе с тем было покончено с идеализацией жизни и деятельности создателей этого мировоззрения; причем развенчание образа лидера большевиков происходило на фоне выдвинутого на новом реформаторском этапе крылатого лозунга «Назад к Ленину!»), принцип «руководящей роли» КПСС и социализм как таковой. Разворачивавшийся управляемый «сверху» поэтапный демонтаж основ тоталитарного государства и командно-административной системы дал первые (и достаточно неожиданные для его инициаторов) результаты – политика гласности привела к краху монолитной идеологии КПСС.

К сожалению, ликвидация «белых пятен» истории, усилия по разрушению «механизма торможения» нередко приводили к прямому искажению исторических реалий и очернению действительности. И все же, несмотря на все издержки, гласность, появление «новой прессы» стали одними из наиболее значимых явлений перестройки.

Наиболее ярко влияние перестроечной печати на общественную жизнь страны выразилось в известных событиях 19–21 августа 1991 года. 19 августа Государственным комитетом по чрезвычайному положению (Постановление № 2) в СССР был запрещен выпуск оппозиционных центральных, московских городских и областных газет.

В ответ их коллективами был оперативно налажен выход «Общей газеты». В свою очередь, подавление выступления гэкачепистов сопровождалось подписанием президентом РСФСР Б.Н. Ельциным 22 августа указа о приостановлении выпуска «Правды», «Советской России» и других газет, поддержавших попытку реванша.

СОЗИДАТЕЛИ РАЗРУШЕНИЯ

Как уже отмечалось, в период перестройки по результатам социологических опросов регулярно определялись наиболее популярные публицисты. В частности, в 1988 году в первую десятку подобного рейтингового списка вошли Н. Шмелев, А. Нуйкин, Г. Попов, Ю. Карякин, Ю. Черниченко, В. Селюнин, Ф. Бурлацкий, О. Лацис, А. Стреляный и А. Ваксберг. На основе полной свободы слова им было предложено принять участие в выходе сборника публицистических статей «В своем отечестве пророки?». Когда один из нетерпеливых друзей составителя сборника узнал имена победителей, он отреагировал: «А... Все разрушители» [8, с. 5].

Интересно, что ни один из этих «разрушителей» позднее не мог похвастаться своим умением предвидеть результаты перестройки... ▮

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсенков, А.С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг.: курс лекций / А.С. Барсенков. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 367 с.
2. Россия. Хроника основных событий. IX–XX века. – М.: РОССПЭН, 2002. – 896 с.
3. Голиков, А.Г. Источниковедение отечественной истории / А.Г. Голиков, Т.А. Круглова; под общ. ред. А.Г. Голикова. – М.: Высшая школа, 2000.
4. Жирков, Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв.: учебное пособие / Г.В. Жирков. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 368 с.
5. Черниченко, Ю. Трава из-под стога / Ю. Черниченко // Иного не дано: сб. статей / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Прогресс; Минск: Беларусь, 1988. – С. 591–620.
6. Селюнин, В. Истоки / В.Селюнин // Новый мир. – 1988. – № 5. – С. 162–189.
7. Зырянов, П.Н. О Столыпине и не только о нем / П.Н. Зырянов // Неделя. – 1989. – № 38.
8. В своем отечестве пророки? Публицистика перестройки: лучшие авторы 1988 года / сост. Н. Стрельцова. – М.: Книжная палата, 1989. – 248 с.